ВЕКТОРЫ ОДНОМЕРНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ЯЗЫК, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ

© 2013 В. И. Шумаков

*аспирант каф. философии
e-mail: shumakov.v.i@gmail.com*

Курский государственный университет

Статья посвящена осмыслению проблем языка, науки и философии в медиаэпоху. Анализируются идеи представителей Франкфуртской школы, особое внимание уделяется взглядам Герберта Маркузе. Выделены основные проблемы, сопровождающие становление одномерного общества: утрата транзитивных понятий, закрытость и формальность языка, науки и философии, невозможность трансцендирования.

Ключевые слова: транзитивность, трансцендирование, язык, одномерность, социальная философия Франкфуртской школы.

Величайшие научные прорывы XX века, такие как открытие общей теории относительности, освоение атомной энергии, первый полет в космос, клонирование и многое другое, в итоге привели к тому, что мы живем в фантастическое время. Люди могут передавать информацию на любое расстояние, эмпирические эксперименты заменили математические модели этих экспериментов, возможно, мы находимся в шаге от решения таких проблем, как голод и болезни. Вместе с этим непрерывно растет уровень жизни обычных людей. Однако в современности остается огромное число проблем неразрешенных. Философы Франкфуртской школы еще в 50–60-х годах прошлого века обращали внимание общества на то, как сильно оно подвержено влиянию эпохи индустриализации и капитализма.

Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Юрген Хабермас и другие философы-франкфуртцы в своих работах описывают, как свободное общество Запада становится одномерным, зависимым от своего образа жизни, управляемым через навязываемые ложные потребности и ценности. Этому служит «культурная индустрия», которая пронизывает все сферы жизни общества и с помощью которой неототалитарный режим встраивает в существующую систему производства и потребления все классы, а социум, объявленный свободным от идеологии, становится еще более идеологизированным. Индивидом манипулируют, скрыто воздействуя на него через средства массовой информации. Его принуждают «расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие» [Маркузе 2009: 22]. К сожалению, любые альтернативы кажутся человеку иррациональными или утопичными. Причем эта мысль так сильно укоренилась в умах социума, что человек уже не может посмотреть на систему, частью которой он является, со стороны. Невозможной становится трансцендентность. Изменения, приводящие в движение механизмы государства манипулирования, по мнению Маркузе, происходят в XX веке не только в сфере культуры, а управление осуществляется не одной лишь скрытой пропагандой. Ученый видит удручающие изменения еще глубже: в языке, мышлении и философии современности.

Развиваясь вместе с обществом, язык также меняется. Речь политиков и масс-медиа становится инструментом, с помощью которого сдерживаются качественные

перемены в сознании людей. «Язык и речь наполняются магическими, авторитарными и ритуальными элементами», – описывает эту ситуацию Маркузе [Маркузе 2009: 123]. Это «машинный» язык, с такой уплотненной структурой предложений, что в нем не остается «пространства» и напряжения между частями предложения. Вещи и их функции отождествляются и слово «не должно иметь никакого другого отклика, кроме как публичного и стандартизованного поведения (реакции)» [Там же: 125]. Слово, превращаясь в клише, препятствует развитию значения. В предложениях примиряются те слова, которые ранее воспринимались лишь как антонимы (Маркузе приводит пример: «чистая бомба» и «безвредные осадки»). Повторяясь раз за разом, они приучают человека к тому, что непримиримые, противоположные понятия могут сосуществовать. Отсутствие логики предстает как принцип логического манипулирования.

Другими особенностями языка тотального администрирования называются фамильярность, дефисные конструкции и сокращения, а также аббревиатуры. Последние, являясь общепринятыми названиями военных структур, организаций, объединений, используются повсеместно в СМИ и поглощаются гражданами полностью, без разбора их частей, без расшифровки, в которой таится их истинное значение. Маркузе пишет: «Аббревиатура служит подавлению нежелательных вопросов» [Там же: 134]. Чтобы избежать нежелательного толкования отдельных слов в сокращении, общее его значение фиксируется и каждый раз воспроизводится целиком.

Обескураживающая конкретность языкового стиля постоянно навязывает образы и тем самым препятствует возникновению, развитию и выражению «понятий» (понятие как раз является способом *не* отождествлять вещь и ее функцию, а смотреть на вещи со стороны, понимая все его возможные значения и функции). Функционализированный, сокращенный и унифицированный язык является языком одномерного мышления. Этот закрытый язык. Он «не показывает и не объясняет – он доводит до сведения решение, мнение, приказ» [Там же: 143].

«Понятия» вещей предстают для всех и каждого исключительно в функциональном свете. Познавательные понятия, имеющие *транзитивное значение*, переводятся в термины, любой анализ приходит к ложной конкретности. Маркузе подчеркивает: «Операциональная трактовка понятий носит политическую функцию, а аналитический подход к индивиду – терапевтический смысл приспособления к обществу» [Там же: 150]. Выражение мыслей, как и сами мысли, а также теория и практика – все приводится в согласие с фактами существования индивида так, чтобы не оставалось пространства для критики этих фактов. Ложность операциональных понятий заключается в дроблении и обособлении фактов, встраивая их в одно «репрессивное целое».

Именно способность взглянуть со стороны, из-за рамок частных случаев, выйти за пределы используемых терминов и узкого понимания слов является подрывной для системы. В одномерном же обществе понятия замыкаются сами на себе и сами себе служат основанием и доказательством. Анализ, который вынужден методически отбрасывать транзитивные понятия, начинает служить ложному сознанию. Идеологична сама его эмпиричность. Для критики не остается места, ровно как и для обыкновенного описания фактов, ведь описываются они исходя из некоторых сторон и частей фактов, с точек зрения, которые принимаются за целое и лишают описание объективного, эмпирического характера. Общее объявляется неконкретным и фантастичным, а запрет на транзитивные понятия становится элементом идеологии.

Стоит отметить, что в своих исследованиях Маркузе сам редко приводит эмпирические подтверждения своим словам. За подобную голословность философы Франкфуртской школы не раз подвергались критике, как, например, Адорно при

критике музыки не ссылается ни на какие исследования аудитории. Как указывает Р. Штейгервальд, «основным понятиям Маркузе присуща удивительная неточность! Он часто оперирует такими прилагательными, как «новый», «тотальный» [Штейгервальд 1971: 218], однако он не сравнивает их со «старым» и «частным». Как справедливо отмечает Д. Стринати, «теория Школы и её язык позволяют ей стоять на своем и критиковать “одномерный” мир капиталистических мыслей и культуры. Однако такая позиция возможна только в том случае, если теория верна. Но верна ли она?» [Strinati 2004: 70]. Герберт Маркузе в своих исследованиях, напротив, подвергает критике сам эмпирический метод.

Следующим уровнем развития одномерного мышления становится поражение логики и как следствие – формирование одномерной науки. Как известно, в греческой философии Разум выступает критерием истинного и ложного, является так называемой познавательной способностью. То есть им обнаруживается то, что истинно (есть на самом деле, Бытие), и то, что только кажется действительным. В итоге мы видим противоречие между Бытием и Небытием. Последнее является угрозой разрушения Бытия (Истины). Это приводит к тому, что борьба за Бытие – это борьба за Истину. Самое главное, что внутри Бытия необходимо поддерживать данную борьбу за то, что есть на самом деле, иначе Бытие может само себя ниспровергнуть.

Маркузе приводит слова Гуссерля о том, что «человеческое мышление имеет дело не с самим Бытием, а с «притязаниями», суждениями о Бытии» [Маркузе 2009: 176]. То есть в суждениях мы можем увидеть разделение действительности. Целый универсум значений получает свое развитие в общении, в диалоге, но никогда не завершается. Идеи, как проявления форм действительности, выходят на первый план. Он отмечает: «Истинное суждение оценивает эту действительность не в ее собственных терминах, а в терминах, которые позволяют усмотреть ее ниспровержение. И именно в этом ниспровержении действительность приходит к собственной истине» [Там же: 178], то есть речь идет о диалектическом мышлении.

Логика построена на суждениях, в которых «есть» подразумевает «должно быть». Не стоит забывать о том, что, помимо всего вышесказанного, философская мысль, мышление абстрактны, что, по мнению Маркузе, и выражает подлинность мышления. При абстрагировании мы имеем дело с неким базисом, опираясь на который и начинается процесс абстрагирования. Даже при отрицании существующего универсума базис остается неизменным. Именно процесс абстрагирования и рационализации вывел философию на столь недостижимый уровень для обычного человека; «философия стала невосприимчивой к миру, где вынужден жить человек» [Там же: 182]. Таким образом, философия отделяется от действительности и развивает свои идеи вдали от эмпирической реальности.

Логическое же мышление становится основой господства. В пределах формальной логики уже не столь важно различие между сущностью и видимостью; четко определяемые понятия становятся инструментами власти и управления, и мы приходим к научному мышлению, основанному на абстракции в отношении материального содержания. «Дотехнологическая и технологическая рациональность, онтология и технология, – пишет Маркузе, – связаны теми элементами мышления, которые приспособливают правила мышления к правилам управления и господства... История по-прежнему остается историей господства, а логика мышления – логикой господства» [Там же: 186].

Современный мир с его рациональностью и логикой Маркузе видит порочным. Дотехнологический и технологический разум связываются через господство человека над человеком, несмотря на прогресс и все прогрессивные изменения, в единый исторический континуум. Личная зависимость раба от господина всего лишь

заменяется зависимостью человека от «объективного порядка вещей», то есть экономических законов, рынка и т. д., и этот «объективный порядок» сам является результатом господства. «Ограниченность этой рациональности и ее зловещая сила, — поясняет Маркузе, — проявляются в прогрессирующем порабощении человека аппаратом производства, который увековечивает борьбу за существование и доводит ее до всеобщей международной борьбы... Порочен способ организации общественного труда самими его участниками» [Маркузе 2009: 194]. По мнению франкфуртцев, в XX веке создается новая социальная структура, и социальные силы, которые ранее были направлены на отрицание и трансцендирование установившейся системы, наоборот, интегрируются с ней. Негативная оппозиция трансформируется в позитивную. Мы смиряемся с идеологией господствующего аппарата, принимая разрушение как цену прогресса и соглашаясь с тем, что альтернативы утопичны.

Новая рациональность значительно отличается от своей дотехнологической предшественницы. Квантификация природы приводит к тому, что она теперь толкуется только в терминах математических структур и действительность отделяется от присущих ей целей. Имеет место только научная объективность. А за пределами научной мысли человек живет в мире ценностей, которые являются субъективными, так как отделены от объективной реальности. «Гуманистические, религиозные и моральные идеи — не более чем «идеалы», которые не доставляют больших хлопот установившемуся жизненному укладу и которые не теряют своего значения от того, что они находятся в противоречии с поведением, диктуемым ежедневными потребностями бизнеса и политики» [Там же: 198]. В мире господства Разума ненаучность этих идей фатально ослабляет их.

В науке в XX веке процветает прагматичность. Некоторые концепции современной научной философии, по словам Маркузе, стремятся разложить все содержание физической науки на математические или логические отношения. Философия современной физики отдаляется от суждений о том, какой существует действительность сама по себе, в пользу вопросов о том, каким образом она существует. Это, по мнению философа, имеет двойные следствия: с одной стороны, сдвигается теоретический акцент с метафизического «Что есть?..» в сторону функционального «Каким образом?..», и, с другой стороны, устанавливается практическая достоверность, «которая в своих операциях с материей ничем не обязана какой-либо субстанции вне операционального контекста» [Там же: 203]. Метафизическое «Бытие-как-такое» уступает место «бытию-инструменту». Научная рациональность носит инструменталистский характер, становится инструментом, который находится в руках власти. Технологическое *arrogant* становится политическим *arrogant*, а нейтральность носит *позитивный* характер. «Вышедший ко все более эффективному господству над природой, научный метод стал, таким образом, поставщиком чистых понятий, а также средств для все более эффективного господства над человеком *через* господство над природой» [Там же: 212], и эти формы господства прочно связаны. Технология демонстрирует человеку *техническую* невозможность автономии, самостоятельного определения своей жизни. Непрерывная динамика прогресса пронизана политическим содержанием, а сама научность жизни навязывает необходимость рабства. Позитивное мышление сегодня носит идеологический и конформистский характер, а способы негативного мышления, напротив — спекулятивный и утопический.

В своем описании одномерного общества Маркузе идет еще дальше, представляя нам модель «одномерной философии», которая является триумфом позитивного, некритического мышления и продолжением одномерного, конкретного языка, логического, точного, позитивного мышления и формализованной научной мысли.

Точный расчет устанавливает рамки, в которые заключены все сферы общества. Установлен уровень самой действительности, ее концептуальные границы. Философский анализ приобретает терапевтическую функцию: функцию исправления ненормального поведения, мышления, речи, устранение неопределенностей, странностей и иллюзий или, по крайней мере, их обнаружение. Формализованная теоретическая процедура становится практической, превращается в инструмент улучшения управления, безопасного планирования и точного расчета. Здесь Маркузе возвращается в своих рассуждениях к изменениям в языке. Автор пишет, что обыденное словоупотребление является недопустимым в философии, и язык философов, традиционно высокий, становясь понятным каждому, теряет свою силу и примиряется с действительностью.

Стоит отметить, что именно сложный и запутанный язык – это один из моментов, за которые Герберт Маркузе и другие западные марксисты, подвергались критике. Так, П. Андерсон в числе прочего указывал: «Свойственный теории западного марксизма эзотермизм проявлялся в различных формах: у Лукача в тяжелой и трудной для понимания манере выражения, перегруженной академичностью; у Грамши – мучительной и загадочной отрывочностью» [Андерсон 1991: 67]. В «Одномерном человеке» можно увидеть ответ на эту критику.

Нейтральность, которая должна быть присуща любому исследованию, по мнению автора, носит сегодня отнюдь не нейтральный, а позитивно-нейтральный характер, так как она существует в рамках установок и догм мира формальной логики и позитивного мышления и не способна выйти за его пределы и посмотреть на этот мир со стороны. Позитивизм приходит к гармонии между истиной и фактом, теорией и практикой. В универсуме технологической действительности, по мнению Маркузе, «...мир-объект трансформируется в средство. Многое из того, что все еще находится за пределами инструментального мира – непобежденная, слепая природа, – теперь вполне по силам научно-техническому прогрессу. Некогда представлявшее собой подлинное поле рациональной мысли, метафизическое измерение становится иррациональным и ненаучным. Разум, опираясь на свои собственные воплощения, отвергает трансценденцию» [Маркузе 2009: 230]. «Современность, – продолжает он, – прилагает огромные усилия для того, чтобы создать границы для философии и ее истины, даже сами философы утверждают скромные возможности и неэффективность философии» [Там же: 231]. Пространства для интеллектуального нонконформизма не остается.

Язык лингвистического анализа, который, по убеждению Ц.Ч. Хинтибидзе и В.Е. Горозия, «претендует на исцеление мышления и языка от метафизических и спекулятивных “призраков”» [Хинтибидзе, Горозия 2005: 286], все больше напоминает уличный, фамильярный язык. Слова в языке науки и философии, как и во всей речи современности, всего лишь означают то, что означают. Уходит на второй план *понятие*. Позитивистская философия формирует свой собственный мир, закрытый и защищенный от любых раздражений извне. Эмпирическое а priori не допускает трансцендирования. Но познание фактов и реагирование на них возможно только при выходе за пределы системы, в которой эти факты существуют и значат только то, что значат. Именно для этого язык философии, по Маркузе, должен быть языком более высокого уровня, не имеющим ничего общего с повседневностью, стоящим *над* ней. Иначе пренебрежение таким измерением приводит современный позитивизм в бедный и искусственный мир академической конкретности. Многомерный язык с множеством значений, проникающих друг в друга, превращается в одномерный, в котором значения держатся в изоляции. Существующий универсум обыденного языка преобразуется в поддающийся манипуляциям и легко внушаемый универсум. Задача философии становится политической задачей и носит терапевтическую функцию. Академическая полемика, по Маркузе, это бегство в бесконфликтность и недействительность.

Разумеется, многие эти идеи, такие как освобождение человека от необходимости зарабатывать себе на жизнь в пользу истинной свободы, кажутся утопичными. Однако в современном мире нельзя пренебрегать идеями франкфуртцев. Если всерьез задуматься о том, какие перевороты имели место в науке, как не раз после грандиозных открытий подрывались понятия, ранее считавшиеся догмами, парадоксальным покажутся уже не идеи Маркузе о несостоятельности эмпирических исследований, а наш метод мыслить только категориями формализованной науки, в рамках доказанных фактов. Именно привычка выходить за рамки существующей системы, хотя бы мысленно, в повседневной жизни может стать механизмом борьбы против манипуляции сознанием и насаждения стереотипов мышления и поведения.

Библиографический список

- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М.: ИНТЕР-ВЕРСО, 1991.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ, 2009.
- Хинтибидзе Ц. Ч., Горозия В. Е.* Маркузеанская критика западной цивилизации // Человек. Государство. Цивилизация: сб. философских ст. Вып. 3 / под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005.
- Штейгервальд Р.* «Третий путь» Герберта Маркузе. М.: Международные отношения, 1971.
- Strinati D.* An Introduction to Theories of Popular Culture. Second edition. London & New York, 2004.